

Архимандрит Никодим (Деев), в схиме Никон

Заветы Преподобного Сергия

*Таким же многочисленным, как эти птицы,
будет стадо твоих учеников
и после тебя не уменьшится,
если они захотят следовать твоим стопам.*

Предисловие

Монашество – это наука из наук в духовной жизни христианина. Вот как описывается жизнь монахов IV-V веков в египетской пустыне. Египет был источником иночества для других стран. Пустынники и отшельники составляли как бы особый мир, не похожий на обыкновенный: мир «земных ангелов и небесных человек». Мир, изумляющий величием своего духа и жизни, ясно показывающий, как власть и могущество начинают действовать в человеке, когда он весь проникнут силою благодати Божией. Свет мало знал жителей этого пустынного мира, потому что они почти расторгли союз с ним.

В чем же состояла их пустынная жизнь? Конечно, это вполне известно одному Господу. Сами же они, особенно в последние минуты жизни, раскрывали иногда свою душу другим и, таким образом, не оставили нас в неведении о своей богоугодной жизни. Простившись с миром и со всеми его благами и удалившись в глубину пустыни, эти угодники Божии осуждали себя на подвижничество одиночества. В пустыне они терпели зной, холод, голод, жажду, опасность нападения зверей и другие искушения. В пищу подвижники употребляли, и то лишь немного для поддержания жизни, злаки, травы, корни и древесные плоды. И эта скудная пища доставалась в пустынных безводных местах изнурительным трудом: они разводили сады, возделывали огороды, плели корзины... Строгим постом они иссушали свою плоть до состояния «живых мощей». Но это была лишь внешняя сторона.

Внутренняя жизнь этих подвижников, угодников Божиих, была исполнена еще большим подвигом. Они вступали в брань с самими собою – со своими помыслами и наклонностями - в брань жестокую, не умолкавшую до конца их жизни. Распять плоть со страстями и похотями, стать выше себя, выше своей чувственности во что бы то ни стало – таковы были начало и конец их деятельности. По мере того как умирал внешний человек, укреплялся внутренний. В то время как их земная плоть в посте и трудах теряла свою грубость, как бы освобождаясь от закона тяжести, свойственного земным телам, они возвращали себе способность первозданного Адама - быть владыками природы.

Дивную и чудную картину представляла тогда жизнь некоторых из этих угодников Божиих, достигших высшей степени нравственного и духовного совершенства. Они ходили по водам, поднимались на воздух, когда в молитве простирали свои руки к небу, переносились с одного места на другое с необыкновенною быстротою. Они видели события, происходящие на весьма удаленном от них расстоянии, видели тайные движения в душах людей,

предсказывали будущее. По их могучему слову и твердой вере раскрывалось или смыкалось небо, утихали бури и морские волны, свирепые львы, как смиренные агнцы, спокойно ложились у их ног; лютые крокодилы сторонились их, птицы небесные приносили им пищу, камни источали воду... Мир ангельский был им защитой: ангелы являлись им, укрепляли их в подвигах, восхищали дух на небо, показывая красоты рая и ужасы ада...

Такова была жизнь святых подвижников. К их числу принадлежали преподобные Павел Фивейский, Антоний Великий, Макарий Александрийский и Макарий Египетский, Иларион Великий, Пахомий Великий и многие другие. И когда Русь приняла христианство, такие подвижники появились и у нас.

Одним из первых был наш любимый Преподобный Сергей – основоположник монашества в северных пределах Руси. Он, как древние подвижники, совершал многие чудеса: по его молитве в непроходимых лесах открывались источники воды, дикие звери принимали из его рук пищу... Со временем в лесных дебрях стали селиться люди: не только отшельники, но и обыкновенные земледельцы. И Преподобный Сергей, с юности искавший безмолвия и уединения, никого из них не отринул: всех, приходящих к нему за помощью, утешал, вразумлял, укреплял в вере, предрекал будущее, умирал враждующих, многих исцелял. По его дерзновенной молитве воскрес умерший отрок... Преподобный Сергей еще при жизни «сподобился видети Пресвятую Богородицу со двема апостолама...»

Нам, насельникам обители Сергиевой, не достичь тех духовных высот, какими был отмечен наш Авва. Нам достаточно стараться жить по заповедям Преподобного, как он, служить Богу и людям, - паломникам, которые приезжают в Лавру со своими недоумениями, печалью и горем, - жертвуя своим временем и уединением. Преподобный Сергей, который всех нуждающихся утешал, укреплял и подавал помощь, духовную и материальную, должен служить примером для каждого брата основанного им монастыря. И преподобный Никон перед своею кончиною напоминал братии: «Насколько возможно будет, ни одного из приходящих к вам не отпускайте с пустыми руками, чтобы не случилось вам самим, не ведая того, отвергнуть Христа, явившегося под видом одного из просящих...»

Заветы Преподобного Сергия

Преподобный Сергей во время своей земной жизни не оставил письменных наставлений - он проповедовал самой своей подвижнической жизнью, любовью, молитвой, смирением и милосердием.

Его ученики, насельники основанной им обители, восприняли подвижнический дух Аввы. И после кончины Преподобного они исполняли его заповеди, передавая их новым поколениям русских иноков, притекавших в основанные уже их трудами монастыри.

Эти наставления всем известны, ибо основаны на Евангельском учении. И братия монастыря до сих пор живет по заветам Преподобного Сергия и чувствует на себе опытно его помощь. Но времена меняются; суетность мира с его заботами

отражается и на монастырской жизни, поэтому хотелось бы вкратце напомнить заповеди Преподобного Сергия и сделать к ним небольшие комментарии.

Заповеди преподобного отца нашего Сергия

Внемлите себе, братие, всех молю, прежде имейте страх Божий; единомыслие; чистоту душевную и телесную; любовь нелицемерную; к сим же страннолюбие; смирение с покорением; пост и молитву; пища и питие в меру; чести и славы не любите; паче же всего бойтесь и поминайте час смертный и Второе пришествие Христово.

Также Преподобный Сергий поучал: *люты скорби, но сладок рай; болезненны труды, но вечная за них награда; благодать Божия никому не дается без скорби и искушений.*

Из жития Преподобного Сергия, составленного учеником его премудрейшим Епифанием, мы знаем о видении святому множества птиц и о сопровождавших явление словах: «Таким же многочисленным, как эти птицы, будет стадо твоих учеников и после тебя не уменьшится, если они захотят следовать твоим стопам».

Авва Сергий заповедует, чтобы его духовные дети шли тем же путем к Царству Небесному, каким шествовал сам: он никогда не роптал, но всегда был доволен, ибо жил в благодати Божией. В чем же состоят заветы Преподобного, которые следует исполнять его ученику, чтобы шествовать его путем?

Прежде имейте страх Божий

Что такое страх Божий? Как его стяжать, как жить в нем? Страх Божий есть первое сильное побуждение к нравственной жизни, происходящее от благоговения перед Богом. Боящийся Бога считает Его гнев величайшим для себя несчастьем и потому старается не прогневать Его не только своими поступками, но даже и мыслями. При всяком поползновении ко греху этот спасительный страх напоминает человеку о Боге, Который все видит, за все взыщет, и оскорбить Которого – великое преступление. Это чувство есть как бы надзиратель, данный нам свыше, – он постоянно с нами во всех путях наших и не допускает нас до падений. Страсти не могут овладевать теми людьми, которые имеют в себе страх Божий. Как хорошо побеждать страсти! После победы чувствуешь такую легкость на сердце, умиротворение и величие духа.

Как же удержать в себе этот спасительный страх? Рождается и укрепляется в душе страх Божий в первую очередь от рассуждения о Божественных свойствах. Как учит святитель Тихон Задонский, «Вездесущие Божие показывает тебе, что Бог везде с тобой есть, и над тобой, и пред тобой. Величество Его оскорбляется твоей гордостью, святость Его оскорбляется твоей нечистотой; милость его твоим жестокосердием, долготерпение Его твоим нетерпением, любовь Его твоей ненавистью и завистью оскорбляется». Однако Святитель вместе с тем уточняет, что и эти рассуждения могут не привести к рождению страха Божия в человеческой душе без действия благодати Божией. Укрепляется страх Божий в душе посредством

покаяния. Святитель Игнатий Брянчанинов наставляет нас: «Нужно предпочищение себя покаянием. В покаянии совмещаются все заповеди Божии. Покаянием вводится христианин сперва в страх Божий, потом в Божественную любовь».

Святитель Тихон Задонский отмечает следующие признаки того, что душа имеет страх Божий: «Имеющий страх Божий явно и тайно бережется всяких грехов. Охотно слушает Божие слово и всякое наставление, обличение, чтобы грехи, находящиеся в себе, усмотреть. Не смотрит чужих грехов, но в свою совесть проникает, очищая ее усердным покаянием. Неустанно и усердно молится и вздыхает, чтобы Сам Бог наставил его на путь спасения. Удаляется от всего, что может привести ко греху (увеселений, игр, бесед злых)».

Авва Дорофей указывает на два вида страха: первоначальный, свойственный только лишь вступившим на путь благочестия, и совершенный – это страх святых, достигших меры совершенной любви. Первые творят добро не ради самого добра, но из страха наказания, вторые же исполняют волю Божию по любви к Богу, чтобы благоугодить Ему. Эти последние, вкусив сладости пребывания с Богом, боятся лишиться ее. И этот совершенный страх изгоняет первоначальный. Поэтому и апостол Иоанн Богослов говорит: *«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх»*(1 Ин. 4, 18). Однако невозможно достигнуть совершенного страха, минуя первоначальный.

Единомыслие

Что значит хранить единомыслие? Хранить единомыслие – это пребывать в православной вере, которая основана на учении святых Апостолов и святых Отцов. Апостол Павел в послании к римлянам пишет: *«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа»* (Рим. 15, 5-6).

Единомыслие проявляется в том, что братия живет опытом живых и умерших, прошедших путь духовного делания, испытавших все трудности и лишения. Как они воспевали Бога едиными устами и единым сердцем вместе со своим священноначалием, не взирая на различные слухи и нестроения, так должны поступать и мы. В единомыслии и проявляется смирение.

Единомыслие – это большая ответственность перед Богом и Преподобным Сергием не только за себя, но и за паломников, приезжающих в Лавру для того, чтобы получить правильный совет. Потеря единомыслия происходит от неведения и непонимания, источниками которых зачастую служат современные информационные технологии, порождающие ложь и заблуждения. Мы, монахи, отрекшиеся от мира и посвятившие себя всецело служению Богу, должны во всех обстоятельствах руководствоваться Словом Божиим и учением Церкви.

В общении с народом, приходящим в Лавру за советом и поучением, всегда необходимо помнить, что для мирских людей Лавра является эталоном правильного понимания жизни, и при этом не забывать, что монах не должен начинать разговор,

не будучи спрошенным, да и отвечать ему следует, прежде всего, на те вопросы, которые касаются спасения души.

Чистота душевная и телесная

Чистота душевная и телесная - это чистота сердца и мир совести и все, что связано с ними во внутренней и внешней жизни человека. Чистота сердца состоит в отречении от порочных мыслей и желаний, привычек и пристрастий к земным благам – и в полной преданности и любви нашей к Богу в словах и поступках. Главное же средство очищения сердца – частое покаяние и причащение Пречистых Тела и Крови Христовых, Которые дарованы нам для освящения и исцеления души и тела, в просвещение очей сердца и мир душевных сил.

Любовь нелицемерная

Никого так сильно не обличал Христос Спаситель, как фарисеев. Их лицемерие, постоянный обман других и ложь перед самими собой были причиной того, что всякий раз, как только Христос начинал речь о фарисеях, Он грозно прибавлял: «Горе вам, горе вам!» Эта сила и грозность обличений показывает, какая страшная язва для души – лицемерие. Оно иссушает душу, ослабляет все лучшие силы человека, все духовное в нем и возвышенное, уничтожает доброту и честность живой души. Где Бог в такой душе? Где ее святыня: правда, милосердие и истина?

Хитрейшими измышлениями лицемерия все поругано и попрано ради торжества личностных мирских целей, а иногда и прихотей. Нельзя допускать лицемерия! Прямота и честность – вот верный путь к истине и благу. Дай в своем сердце место для любви Божией – и тогда ты будешь любить всех братьев Христовой любовью, ибо не ты будешь любить их, но сам Христос, живущий в твоём сердце.

Рождается лицемерие незаметно, исподволь – из естественной потребности любить себя. *«Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь»*(Еф. 5, 29). Но этим естественным законом человеческого существа так же легко злоупотребить, как около огня обжечься. Чтобы научиться любить ближнего как самого себя, надо сначала научиться правильно любить себя.

Действует лицемерие всегда под надежным прикрытием фальшивой законности или ложной праведности... Под маской лицемерия люди достигают больших должностей, стяжают суетную славу и богатство. При этом честность, прямодушие осмеиваются как состояние наивности, кажутся странными и вызывают осуждение... Но горькие плоды пожинают обычно те, кто, попирая Божественную заповедь любви, корыстно относятся к ближним, используя их в своих целях.

Что же такое любовь? Это жизнь в Боге. Христианская любовь проникает во все существо человека, руководит им во всех областях его деятельности, облагораживает его стремления, сглаживает неровности его характера, смягчает его сердце и направляет его волю ко всему, «елика суть честна, елика любезна, елика доброхвальна».

«Счастливы тот монах, который научился всех любить втайне. Он не требует любви от других, его не интересует, любят его или нет... В наше время люди хотят, чтобы их любили, и в этом терпят неудачу. Истина же состоит в том, чтобы интересоваться не тем, любят ли тебя, но любишь ли ты сам Христа и людей. Только так может наполниться существующая в душе пустота», - наставляет современный подвижник, преподобный Порфирий Кавсокаливит.

Страннолюбие

Страннолюбие - это не только забота о бесприютных людях или о гостях. Это проявление милосердия и сострадания ко всем нуждающимся и страждущим. Этот завет Преподобного Сергия всегда свято исполнялся в его монастыре. По мере же роста числа насельников обители и преобразования ее в Лавру, расширялась и ее благотворительная деятельность в служении миру. Братия не только окормляла паломников, но и заботилась о больных, страждущих и заключенных. В ее ведении находились больница, богадельня, тюремный замок...

И в наше время в обители Преподобного Сергия можно наблюдать исполнение этой заповеди. Братия участвует своими трудами в том, чтобы принимать паломников - обеспечить их жильем, пропитанием; помочь нуждающимся одеждой, деньгами... Но не только в этом. Данное добродетельное находит себе выражение также в духовном окормлении паломников: сущие в сани монахи ежедневно совершают богослужения, исповедуют, беседуют, подавая духовное утешение и наставления. Постоянно молятся по синодикам о нуждающихся в молитвенном поминовении, врачуют телесные немощи с помощью освященного масла и лекарственных трав и сборов. Каждый из братьев готов поддержать нуждающихся и страждущих своим сердечным вниманием, участием, молитвой и советом.

Смирение с покорением

Смирение – это абсолютное подчинение своего «я» воле Божией. Все свои таланты и приобретенные знания человек должен считать даром Божиим, который находится всецело в Его воле. Святые Отцы называли состояние души, исполненной смирением, смиренномудрием, тем самым показывая, что мудрость можно приобрести только в смирении, – и считали его одной из главных добродетелей. Из смиренномудрия происходят и все остальные добродетели. В смиренное сердце вселяется Дух Божий, Который обожествляет человека, делая его сыном Божиим, проводником воли Божией на земле. Все святые сподобились такой благодати.

Смирение имеет свойство успокаивать мятущийся дух человека и делает его счастливым уже здесь, на земле. Спаситель говорит: *«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко»* (Мф. 11, 28-30).

Итак, смирение есть основание, на котором строится вся духовная жизнь. Из смирения рождается любовь, а через любовь познается Бог, т. к. *«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»*(1 Ин. 4, 16).

Для приобретения смирения нужна постоянная молитва к Богу. Следует также всегда держать в уме добродетели ближних – так удобнее почувствовать свое ничтожество. Постоянное же порицание себя приводит человека в такое устройство, когда ничто из случающегося с ним в жизни плохого и оскорбительного не смущает его. С другой стороны, что бы ты ни сделал хорошего, никогда не нужно об этом говорить людям: если нужно, Сам Господь скажет за тебя.

Совершенное смирение состоит в том, чтобы во всем положиться на Бога, полностью довериться Ему. Смиранный человек осознает свое внутренне состояние, но каким бы плохим оно ни было, он не теряет себя. Он знает, что грешен, печалится об этом, но не отчаивается и не уничивает себя.

Тот, кто имеет смирение, не впадает в гнев и не оправдывается, когда другие делают ему замечания или обличают его. Он не теряет при этом душевного равновесия.

Нужно помнить, что монашеская жизнь – это не свобода от мирских тревог в безмолвии и покое, но теснота, смирение и подчинение. Добровольное же подчинение своей воли другому и есть покорение. По словам преподобного Порфирия Кавсокаливита, «православное послушание есть плод свободы».

В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля среди многочисленных значений слова покоренье приводятся послушанье и повиновенье [*]. Синонимами же слову покорный названы послушный, смиренный, верный, преданный воле другого.

Пост и молитва

«Веждь яко молитвою и постом подобает тебе умоли ти Бога», – говорится иноку в чине пострижения, и Сам Господь сказал в Евангелии о невидимых врагах нашего спасения, что *«сей же род изгоняется только молитвою и постом»* (Мф. 17, 21). Отсюда очевидна необходимость поста и воздержания, особенно для монахов. Пост есть время покаяния, скорби и слез о многочисленных наших грехах. Пост есть и воздержание в пищи, и обуздание различных греховных проявлений. Святой Афанасий Великий говорит: «Не подумай, возлюбленный, что пост состоит только в телесном воздержании... Истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от всякого зла. Если ты постишься и не воздерживаешься от слов лукавых, от гнева, от лжи, от клеветы на ближнего своего, через это делаешься противником Христу, то такой пост пользы не приносит».

Пища и питье в меру

Монаху следует помнить, что он избрал постническое житие на всю жизнь. И помимо постов, установленных Церковью, инок призван к постоянному ограничению себя в пище и питии. «Пресыщенное чрево не рождает тонкого ума», – говорит преподобный Порфирий Кавсокаливит. Святые Отцы учат, что в посте иноку необходимо соблюдать меру, сообразную с крепостью его сил. «Посему умеренность, по мнению отцов, состоит в том, чтобы ежедневно употреблять столько пищи, чтобы после вкушения всегда чувствовать голод», – замечает

преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человеку вдаться ни в чрезмерный пост, ни в пресыщение, подавляющее дух. С особой осторожностью необходимо относиться к употреблению вина, помня, что во времена Преподобного Сергия употребление его в монастыре и вовсе не благословлялось. Для удовлетворения же жажды всегда должна служить только вода, и тоже в умеренном количестве.

Не должно забывать, что *«Царство Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе»*(Рим. 14, 17). Поэтому не прав будет тот, кто праведность жизни будет отождествлять с умеренным питанием или постом. Эти последние суть только средства, а не цель. Святой Варсонофий учит: «Мера воздержания не ограничивается только пищею и питием, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства, во всем должна быть мера воздержания». В наше время, богатое новыми формами соблазнов, следует добавить, что эта мера должна простираться и на телефонные разговоры, и на интернет, и на телевидение...

Чести и славы не любите

Иными словами – избегайте тщеславия, т.е. суетной, напрасной славы. В чем опасность этого духовного состояния? Человек, стремясь достичь высокого положения, власти, добиться известности, уважения и признания своих достоинств (зачастую мнимых), нередко получает желаемое, но расплачивается за это потерей связи с Богом. Тщеславный человек, вместо того чтобы искать славы Божией, жаждет почитания от людей, не считаясь со средствами в достижении цели. Это приводит его к гордости, а Бог «гордым противится, а смиренным дает благодать». Борьба с тщеславием производится посредством самоукорения и смирением себя.

Паче же всего бойтесь и поминайте страх смертный

«Поминай последняя твоя и во век не согрешишь» (Сир. 7, 39). Христианин всегда должен иметь в мыслях память смертную, дабы страхом безвестности часа смертного воздерживать себя от дел, прогневающих Бога, и быть всегда готовым к исходу из сей жизни.

Святитель Димитрий Ростовский говорит: «Память смертная для земнородного столь же необходима, как необходим для него хлеб: без хлеба человеку нельзя жить, без памяти смертной невозможно управлять жизнь свою. Без хлеба человек истощается телесно, без памяти смертной слабеет духовно; хлеб укрепляет телесный состав человека, память смертная укрепляет жизнь добродетельную. И если бы каждый из нас страшился нечаянной смерти и приготавливал себя истинным покаянием к исходу из сей жизни, тогда не была бы смерть грешников люта, тогда души христианские не наполняли бы ада. Мы живем так, как будто будем вечно жить здесь и наслаждаться в этом мире; даже и не помыслим, что конец уже при дверях, что коса смертная над головою, что день Господень не коснит, и что вдруг мы впадем в болезни адовы... Если люди святые приуготавливали себя к часу смертному великими подвигами и в продолжении долгого времени, не ведая дня скончания своего, тем более нам, грешным, потрбно бояться

сего часа и уготовлять себя, очищая свои греховные скверны теплыми слезами покаяния».

И Второе Пришествие Христово

В Евангелии мы читаем, что придет Христос судить живых и мертвых и что одних Он определит к вечной радости, а других осудит на вечные мучения (Мф. 25,46). Почему этот последний суд Христов называют страшным? Чем он будет для нас особенно страшен? Страшен он будет прежде всего тем, что на нем будут явлены все наши дурные привычки, страсти, пороки, поступки, даже слова, мысли и желания. Луч Истины осветит нашу тьму сердечную и высветит ложь. Все зло нашей жизни, вся грязь и мерзость порока обнажатся до каждой мелочной подробности.

Страшен будет последний суд и тем, что наше зло будет явлено перед очами всего человечества.

Все знаемые и незнаемые, родные и близкие, ангелы и люди в один миг узнают все наше прошлое, все наши дурные про них мысли, нечистые пожелания и чувства. Страшен суд Христов и тем, что он будет вполне справедлив и беспристрастен. Ничто – ни богатство, ни земная слава и честь – не поможет избежать этого суда. Страшен этот суд Христов наконец тем, что он будет последним, а за ним – строгое осуждение и наказание. Исчезнет всякая надежда на милость Божию, на помощь Церкви и святых.

* * *

Хочется надеяться, что напоминание этих заповедей поможет нам осознать свои грехи, научиться их побеждать, чтобы дать место Христу в своем сердце.

В завершение приведем фрагменты из воспоминаний и заметок некоторых наших предшественников, подвизавшихся в Лавре. Они свидетельствуют о том, что на протяжении всей истории святой обители Авва Сергей был воистину ее заботливым игуменом и не оставлял попечением братию.

Небесный Игумен

Из записок Троицкого Инока [**]

Обитель преподобного отца нашего Сергия с ее великою святынею – дивным сокровищем св. мощей ее основателя, нетленно почивающих в ней, служит для всего нашего отечества отрадою и утешением. Сюда притекает множество людей, обремененных различными недугами, телесными и душевными, яко к мироварнице, на всякие недуги врачевание подавающей, и к всеусердному о людях пред Богом милостивому ходатаю. Измученные нравственно и физически житейскими невзгодами со всех концов обширного нашего отечества они прибегают к дивному помощнику Сергию чудотворцу. И не вотще принимают сей труд эти рабы Божии, ищущие врачевание душам своим: они слезами своими орошают помост святого храма, в котором почти семь веков почивают нетленные останки угодника Божия, сия благовонная храмина Святого Духа, и из глубины наболевшей души своей поведают угоднику свои нужды, и никто не уходил и не уходит отсюда без утешения и тайной духовной радости.

И иноки обители Преподобного Сергия глубоко веруют, что в обители своей сам Преподобный Сергий невидимо духовно управляет чадами словесного стада своего, почему нередко из уст иноков можно слышать наименование Преподобного Сергия небесным Игуменом. Умилительно видеть множество иноков в ранние часы утра, склоненных пред мощами своего небесного Игумена, и каждый из них в простоте души своей молитвенно просит себе его помощи, покрова и заступления, назидания и милости. Нередко старцы, утешая и ободряя новоначальных, советуют им почаще ходить в Троицкий собор и там, где-нибудь в укромном уголке, за столбом, простоять молебен, сердечно внимая умилительному пению: «Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас!» А потом повергнуться у его святых мощей до праха земного, и, лобызая покровец на главе его, поведать ему, как отцу, как живому, свою душевную скорбь... Видимо не замедляет угодник Божий являть Свою помощь обращающимся к нему. В среде иноков, внимающих своему спасению, с благоговейной благодарностью передаются из уст в уста случаи благодатных знамений и явлений, в которых очевидно проявляется его попечение о спасении братии обители. Приведу здесь два случая, особенно трогательных, записанных мною со слов покойного ризничного Лавры иеромонаха Иустина.

1

Исполняя должность пономаря при церкви Смоленской иконы Божьей Матери, по церковным нуждам мне часто приходилось бывать в келлии помощника ризничного иеромонаха Иустина, неоднократно приходилось мне заставить его пред угольником у святых икон, молящимся в епитрахили. Конечно, он всегда старался скрыть от меня свое молитвенное занятие, но это ему не удавалось, потому что я, творя молитву, в то же время быстро отворял дверь. Находясь с отцом Иустином в близких духовных отношениях, в простоте сердца однажды я спросил его, почему он всегда во время поздней литургии совершает свое правило? Он мне с улыбкой ответил: «Какой ты любознательный! На что тебе знать то, что касается одного меня!?» И как бы нечаянно для себя самого проговорил, что он не правило исполняет, а данную ему великую заповедь. Разговор наш на том и кончился. Но в

душе моей родилось сильное желание узнать причину заповеди, так ревностно исполняемой отцом Иустином. Недели через две, придя в келлию отца Иустина, я застал его опять молящимся. Это, видимо, ему не понравилось, и в некоем смущении он мне мягко заметил: «Брат Константин (мое мирское имя), прошу тебя на будущее время не отворять мои двери так быстро, но ожидай на свою молитву моего ответа: «Аминь». Со своей стороны, сознавая свою неправоту, я испросил у него прощения, на что он мне благодушно сказал: «Господь с тобой, я на тебя не обижаюсь: тебе это надо знать для твоей же пользы». Имея к нему расположение и уважение, как я и выше говорил, я не раз пытался просить отца Иустина сказать мне причину тайной заповеди, данной ему кем-то. Долго он уклонялся и положительно отказывался сказать то, что составляло тайну его души; наконец усиленная моя просьба склонила его удовлетворить моему крайнему желанию, и вот, что он мне рассказал.

«В обитель Преподобного Сергия поступил я очень юным, лет шестнадцати, с родным своим братом (который уже после смерти отца Иустина скончался иеромонахом в Новоспасском Московском монастыре). Мы жили первые годы под руководством дальнего своего родственника иеромонаха Лавры, а когда он скончался, стали жить по одному в келлии. По причине моей молодости и неопытности товарищи постепенно увлекали меня к худым поступкам, неприличным для инока. Однако время шло, и меня постригли в монашество - но, к сожалению, жизнь моя шла по-прежнему не по-монашески. Я проходил послушание канонарха в Троицком соборе, где и без того немало было соблазна для молодой моей души; но за молитвы Преподобного Сергия свое послушание проходил я с честью, всегда был исправен, за что и начальство меня поощряло [***]. Но это была только внешняя сторона, а внутренней никто не мог знать, кроме Бога и Преподобного Сергия. Приняв монашество, я очень часто и много сокрушался о своей жизни. И вот однажды мне было очень-очень грустно за жизнь свою. Чтобы облегчить душу, я исполнил свое монашеское правило и еще к нему присовокупил акафист Преподобному Сергию и лег спать. Не знаю, долго ли я спал, но только вдруг я вижу в своей келлии необыкновенный свет (даже не могу доселе представить себе: было ли это наяву или во сне). Свет этот исходил откуда-то издалека. Я сознавал ясно, что нахожусь в своей келлии, которая при появлении света вся изменилась: обстановка и стены исчезли, образовалось огромное пространство, залитое светом, и вот в этом свете предстал предо мною дивный старец с игуменским жезлом и, обращаясь ко мне, сказал: «Иустин, исправь свою порочную жизнь! Ты своими дарованиями прославляешь имя Святой Троицы и утешаешь меня, а своими худыми делами оскорбляешь меня. Положи доброе начало своей жизни; если же не исправишься, то я изгоню тебя из своей обители. Знаю, тебе будет это тяжело, а потому читай ежедневно акафист Преподобной Матери Божией, Царице Небесной, и Она тебе во всем поможет». Видение кончилось. Придя в себя от волнения, я не мог сдержать в себе слез и зарыдал в чувстве благодарности покровителю своему Преподобному Сергию, как младенец... С этих пор по милости Божией заповедь, данную мне, я стараюсь исполнять ежедневно неукоснительно». Так закончил свой дивный рассказ отец Иустин и крепко просил меня тайну его души сохранить между нами. Теперь давно уже нет в живых отца Иустина (он скончался в сане иеромонаха 10 декабря 1886). И потому я считаю долгом поведать его тайну во славу Божию и в назидание своим братьям, живущим под покровом угодника Божия Преподобного Сергия.

Иеродьякон Лавры N простудился, вследствие чего у него открылась боль в ногах, доведшая до полного неведения ими. Три года он лежал, не сходя с места; немало он скорбел о сем, нередко можно было его видеть и плачущим от печали.

«Однажды, – рассказывал мне покойный отец Иустин, – я пришел навестить его в больницу и к удивлению и немалому изумлению своему нашел болящего в самом радостном настроении духа. Он встретил меня словами: «Иустин! Ныне в ночи я имел великое утешение от преподобного отца нашего Сергия». И болящий рассказал мне следующее: «Вчера вечером боль в ногах моих усилилась настолько, что я потерял всякое терпение, начал стенать и плакать; к сему присоединилась какая-то печаль сердца, доводившая душу мою до уныния. Находясь в таком тягостном, безвыходном положении, я мысленно обратился с молитвою ко Господу и Его Пречистой Матери, потом взял акафист Преподобному Сергию и начал читать угоднику Божию молитву. И лишь только я окончил ее, как вдруг вся больничная палата осветилась светом; в ней стало светло, как днем, и перед постелью моей предстал угодник Божий – Преподобный Сергий. Взор его был отечески любезный, благословляя меня, он сказал:

- Чадо, не скорби в тяжелом своем недуге и не падай духом: твоя болезнь есть крест для твоего спасения; неси его до конца с покорностью ко Господу.

Я сказал ему:

- Угодник Божий, преподобие отче Сергие! Помози мне, ведь я еще не стар, мне хочется пожить!

Тогда он сказал мне:

- Нет, чадо, тебе в сем мире жить осталось недолго, ты скоро окончишь свое земное странствие и переселишься в иную жизнь.

Сказав это, он еще раз благословил меня и стал невидим. Свет из больничной палаты не сразу исчез, а постепенно, хотя сравнительно и скоро, причем лучи его удалялись по направлению к Троицкому собору. Тогда я, вне себя от радости, и сам не понимаю как, вскочил на окно, чтобы видеть, куда направился Преподобный Сергий. Но видение кончилось, а я так и остался на окне».

Монастырские письма [1]

III

декабрь, 16 дня 1834 года

«У иеродиакона Варлаама, кажется, одно тело на земле, а душа бродит в преддверии вечности. Он как бы в забвении каком: довольно любопытно иногда говорить с ним. Однажды он говорит мне, что только что пришел из вечности,

бывши в обители у Преподобного Сергия, и опять туда собирался. Видел церковь и в ней братию, но Преподобного Сергия еще нельзя было ему видеть. Пели очень хорошо, но что, не упомянул; дорогой, говорит, забыл. Желал узнать в братии знакомых, но вид их был как бы одних лет, и лица не разны. При том сказали: «Нельзя по тем приметам здесь знать, по каким ты знал там; впрочем мы, которые говорим с тобою, жили еще вместе с Преподобным, и этому более 400 лет по-вашему...» На вопрос его: «Почему в Церкви оконниц нет, - сказали, - что здесь-де нет ни ветра, ни стужи, для которых делаются оконницы». Сказать велели, что «лучше монаху там положену быть телом, где жил; тут-де и встанет дать отчет о жизни Господу». Посему я обещал ему испросить благословение положить его в обители...»

XIV

ноябрь, 27 дня, 1842 года

«На днях монах, переведенный в келлию покойного иеродиакона Иоиля, видит во сне Иоиля, который будто пришел к нему и будит его к утрени. Он будто встал, и вместе пошли к Троицкому собору. Монах спросил Иоиля:

– Каково тебе там?

Иоиль ответил:

– Слава Богу, мне хорошо.

Монах спросил:

– Что ты там делаешь?

– Я при свечах стою в обители Преподобного. Иоиль явился в белой одежде, и монах думает, что это на нем длинная рубашка. Но потом, дорогою, разглядел, что это мантия, белая как снег. Монах, взявши рукою, спрашивает, что это на нем? Он говорит:

– Мантия. У нас там такие носят.

Когда подошли вместе к паперти Троицкого собора, Иоиль говорит:

– Прости, Николай.

А этот спрашивает:

– Куда же ты? Пойдем вместе в церковь!

Иоиль говорит:

– Ты пойдя, а мне время идти к Смоленской Божией Матери. Туда мне надобно идти.

Монах, остановясь, смотрит в след ему: Иоиль в великолепной белой и тончайшей мантии пошел к Смоленской церкви, и, дошедши до могилы, скрылся... А этот проснулся. Конечно, это сон, а как-то приятно слышать, что Преподобный берет из сей – в тамошнюю свою обитель. В течение сорока дней Иоиль человекам двадцати являлся во сне и всех уверял, что он не умер, а живет в другой жизни душою, а только телом лежит в земле. Некоторые во сне спрашивали, любит ли он их, не забыл ли?

– Как забыть? Я очень люблю вас! – отвечал он...»

XIX

ноябрь, 18 дня, 1846 года

«Преподобные отцы наши непрерывно чудодействуют. В больнице в жестокой нервной горячке страдал рясофорный послушник Гавриил; несколько дней был без памяти, и думали, что не перенесет болезни. В ночь, на праздник преподобного Никона, видит он, что душа его как бы разлучается от тела и как бы в какую-то устремляется бездну. Мысленно стал молить преподобных Сергия и Никона о возвращении к жизни, чтобы исправиться для вечности. (А лежал он все время, как казалось другим, без памяти и движения). Вдруг видит, как бы двери отворились: входят два светоносные мужа, старцы, один с жезлом – в этом он уразумел Преподобного Сергия, в другом же узнал преподобного Никона. Преподобный Сергий, указывая жезлом преподобному Никону на болящего, говорит: «Помоги!» Преподобный Никон подошел – и самим приближением наполнил его силою и радостью. Больной приподнялся, перекрестился – и они стали невидимы. Он пришел в память – болезнь миновала, только слабость осталась».

XXIII

ноябрь, 12 дня, 1848 года

«На днях был примечательный случай в больнице. Один странник, умирающий от чахотки, в последние часы своей жизни усердно молил Преподобного Сергия о предстательстве за него пред Господом и о помощи в страшную минуту разлучения души от тела. Больного в этот день приобщили Святых Таин после ранней литургии. Вечером послушник-служитель, лежа на кровати почти напротив него, задремал. Вдруг какое-то необыкновенное движение больного, доселе лежавшего как пласт, разбудило служителя – и он видит, что больной, как бы приподнявшись, провожает кого-то.

– Что с тобой? – спрашивает служитель. – Не хочешь ли испить?

– Нет, – едва промолвил тот, неотрывно смотря на уходящего.

– Да что с тобою? Скажи Бога ради!

– Умру скоро, – отвечал больной.

– Ну, мы помянем тебя, – говорит послушник.

– Да. Угодник Божий сказал мне, что будут поминать.

– Да разве ты его видел?

– Сейчас видел. Я все молил его о наставлении в час смерти моей. И он сейчас тут стоял с несколькими монахами, и вон туда пошли... Он много утешал меня. Сказал, что все странники, скончавшиеся в его больницах, и мужи, и жены, – все приняты им в братию его обители. Какое мне это теперь утешение – был» принятым в братство обители Преподобного Сергия!

Через полчаса этот больной скончался...

По этому случаю заведен был особый синодик, чтобы записывать скончавшихся в лаврских больницах, и поминать их в церкви Дома призрения за ранней литургией, дабы и они вознесли о нас свои молитвы. Так явно объемлет Преподобный своей любовью к нему прибегающих».

* * *

Преподобный Сергий и в наше непростое и тревожное время не оставляет своим попечением созданную им обитель и всех, кто с любовью в нее притекает.

Послесловие

В 1960-е годы архимандрит Никодим (Деев, в то время иеромонах) нес послушание в Московской Патриархии. Как-то Святейший Алексий I (Симанский) направил его к умирающему архимандриту Дионисию (Садикову – бывшему эконому Лавры и Академии) с поручением – передать ему для поддержки и утешения икону великомученика и целителя Пантелеймона.

В доверительной беседе архимандрит Дионисий с радостью и умилением ответил на вопрос отца Никодима, как спастись сейчас в святой обители: «Полюби Преподобного Сергия всею душою, ухватись крепко за бортик его раки, умоляй помочь не разлучаться с ним, не стремись ни к славе, ни к почестям – и Авва Сергий не оставит тебя: вымолит у Господа прощение грехов и немощей и сохранит в своей святой обители». Этому доброму наставлению отец Никодим старается следовать до сих пор...

* * *

Данная публикация подготовлена в благодарность Преподобному Сергию, сподобившему недостойного архимандрита Никодима уже полвека пребывать в его святой обители.

Преподобие отче наш Сергие, моли Христа Бога, дабы мы в покаянии проводили жизнь нашу, а по преселении из нее удостоились в числе братии твоей Небесной обители вечно прославлять Пресвятую Троицу! Аминь.

Примечания:

[1] Монастырские письма. Издание III дополненное. Москва, типография И. Ефимова. Б. Якиманка, д. Смирновой. 1884.

[*] В. Даль помещает в соответствующей статье любопытную поговорку, которая в наше время, пожалуй, забыта: «Ноги с подходом, руки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном».

[**] Дозволено к печати 26 октября 1903 года. Составлено иеромонахом. Кронидом (Любимовым), впоследствии архимандритом, Наместником Лавры, ныне причисленным к лику святых в чине преподобномучеников.

[***] Отец Иустин имел необыкновенный голос - тенор; подобных ему канонархов Лавра долго не увидит. По внешности своей он был очень красив, чему соответствовала и душа его.